

Евгений Александрович Пleshkevich, доктор педагогических наук, главный научный сотрудник Государственной публичной научно-технической библиотеки Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск)

Eugene Pleshkevich, doctor of pedagogical sciences, Leading Researcher of State Public Scientific and Technological Library, Siberian Division, Russian Academy of Sciences, Novosibirsk

Место и роль теории социальных коммуникаций Никласа Лумана в библиотечно-библиографических научных дисциплинах

The place and role of theory of social communication by Niklas Luhmann in library and bibliographic scientific disciplines

Аннотация: Рассматривается место и роль концепции социальных коммуникаций Никласа Лумана применительно к дисциплинам библиотечно-библиографическим дисциплинам.

Abstract : Examines the place and role of the concept of social communication by Niklas Luhmann with regard to the disciplines of library and bibliographic subjects.

Ключевые слова: *Никлас Луман, теория социальных коммуникаций, коммуникация, теория информации, библиотековедение, документально-информационный социальный институт*

Key words : Niklas Luhmann, theory of social communication, communication, information theory, library science, document-information social institution

Успешность развитие современных библиотечно-библиографических представлений во многом определяется представлениями об информации и коммуникации. Одной из первых таких конструкций стала математическая теория связи Шеннона–Уивера и кибернетика Н. Винера, где были сформированы первые научные представления об информации и коммуникации. Сегодня в дополнение к ним добавилась теория социальных коммуникаций, разработанная немецким социологом Никласом Луманом (1927–1998) [3, 4]. В основе его представлений об обществе лежит концепция

самовоспроизводящихся систем, предложенная чилийскими нейрофизиологами У. Матурана и Ф. Варела. Под такими системами понимают системы, которые состоят из компонентов и отношений, способных воспроизводить и элементы, и связи между ними с помощью лишь собственных действий, т. е. операций, относящихся к самой системе, а не к окружающему ее миру. Самовоспроизводство или самореферентность оказывается возможным только при различии между системой и средой. При этом системой может быть все то, что способно к «автопоэзису», то есть является самодостаточным и способно воспроизводить себя само, отличая себя от окружения. Социальные системы – это наиболее комплексные (сложные) системы из существующих, воспроизводящих себя с помощью коммуникации, направленной на обретение смысла как различия между системой и окружением. Это воспроизводство, трактуемое как автопоэзис, заключается в создании смысловых структур. В основе воспроизводства лежат коммуникационные процессы. Таким образом, можно сказать, что Луман апеллирует к смысловой коммуникации, к смыслу, имеющему три фундаментальных измерения: вещественное, временное и социальное. Вещественное измерение имеет различие между «тем и иным», что позволяет идентифицировать реальность как вещь. Временное измерение различает между «прошлым и будущим» и позволяет рассматривать реальность как временной процесс. Наконец, социальное измерение имеет различие между «Эго и Альтер эго». Оно позволяет дать всем проявлениям смысла адресные координаты, необходимые для существования социальных систем. В итоге общество рассматривается как система, конструируемая смыслом посредством коммуникации. Это радикальная смена взглядов: если прежде общество виделось социологам как собрание индивидов, то сейчас оно видится как система, состоящая только из коммуникационных операций. Продуцирование социальной системой самой себя – это и есть лумановская коммуникация [6, с.164], которая при этом является процессом тройной селекции: информации, сообщения и понимания. Информация, трактуется

Луманом как событие, которое определяет состояние системы [4, с.107]. Во-первых, проявляясь, она не исчезает бесследно, а оставляет структурный эффект, изменяя состояние системы. Во-вторых, информация не приходит извне и не «передается», она может быть только результатом собственных операций самореференциальных систем, которые реагируют на изменение собственных состояний. В-третьих, информация переживается, а не добывается. Сообщение – это основной динамический элемент коммуникации, обуславливающий временное протекание коммуникации. В данном контексте сообщение – это селекция того, что должно получить распространение. И, наконец, в-четвертых, – понимание, которое трактуется как проведение различия между информацией и сообщением. В итоге понимание – это селекция из селекции: сначала мы выбираем что сказать, формируя сообщение, а после, из услышанного нами сообщения, выбираем информацию. «Как ваше здоровье, Абрам Израилевич? Не дождетесь!» – яркий пример такой коммуникативной ситуации.

Обобщая представления Лумана о коммуникации, можно отметить, что он дает ее расширенное понимание, которое мы предлагаем сопоставить со структурой информационного процесса [7]. Итак, коммуникация включает, во-первых, передачу некоего смыслового содержания от одного индивида к другому или от передатчика к приемнику, что можно рассматривать как синтаксический аспект коммуникации; во-вторых, «некое исторически-конкретное протекающее, зависимое от контекста событие». Очевидно, что событие может быть выделено, потому что оно имеет собственное, отличное от других содержание, это можно рассматривать как семантический аспект; в-третьих, коммуникация – это операция, в процессе которой происходит перераспределение знания и незнания, что можно квалифицировать как её прагматический аспект. В итоге, представления Лумана о коммуникации включают синтаксический, семантический и прагматический аспекты и таким образом фактически совпадают с представлениями об информационном процессе с той лишь разницей, что лумановский процесс

протекает не в системах связи Шеннона, а в социальных структурах. А отсюда и акцент на семантическом и прагматическом аспектах, что позволяет лумановскую теорию коммуникации рассматривать как семантико-прагматическую.

Отталкиваясь от этих представлений о коммуникации, Луман формулирует идею медиакоммуникации, выделяя в ней средства распространения коммуникации и «символически генерализованные» средства коммуникации. К средствам распространения Луман относит письменность, книгопечатание, электронные средства коммуникации и обработки информации СМИ и, в определенной степени, религию и мораль. Средства распространения повышают достижимость адресатов, вероятность, что адресаты получат информацию, но они никак не гарантируют, что информация будет понята и принята, т. е. не гарантируют успех информации. С ростом переизбытка информации эта вероятность только уменьшается.

Завершенность, а, следовательно, и успешность коммуникации обеспечивается «символически генерализованными» средствами. К ним Луман относит истину, власть, право, любовь, искусство, ценности и т.д. Эти медиа благодаря своему бинарному «да–нет» коду, позволяют охватить всю реальность, относя ее к истине или лжи, к праву или неправу. Иными словами, в этой плоскости лежит понимание медиакоммуникации как завершающего элемента социальной коммуникации. Именно этот тип медиа связан с общественными функциональными системами: истина – с наукой, власть – с политикой, право – с юриспруденцией и т.д.

Каким же образом коммуникация формирует социальный порядок? Луман объясняет это через понятие «двойной контингентности». Термин «контингентность» буквально обозначающий случайность, Луман трактует как «не необходимость» и многофакторность внутрисистемных отношений. В самом простом смысле под «двойной контингентностью» следует понимать ситуацию, когда *Эго* и *Альтер* ориентируют свои действия на взаимные поведенческие ожидания. Иными словами – это «ожидание

ожиданий». В этой ситуации, люди вынуждены вступать в коммуникации, уменьшая неопределенность и тем самым формируя социальный порядок. Именно поэтому рост контингентности сопровождается ростом значения порядка в системе. Несколько упрощая ситуацию, можно сказать, что рост неопределенности в имущественных отношениях привел к появлению права, в познании окружающего мира – к появлению религии и науки, потребность в воспроизведении потенциальных версий действительности – к появлению искусства и т. д.

Что же нового вносит концепция Лумана в эти представления? Очевидно, что в рамках одной статьи раскрыть этот вопрос в полной мере не представляется возможным, в силу чего мы хотим ограничиться анализом отдельных ключевых положений.

Прежде обозначим основные трактовки понятия «коммуникации» в документально-информационных дисциплинах. Напомним, что в математической теории связи, предложенной К. Шенноном и У. Уивером, «коммуникация» трактовалась как передача сообщения от источника информации к адресату, а информация – как идеальная часть передаваемого сообщения, уменьшающая энтропию и снижающая неопределенность. В этом контексте они были введены в информатику, а затем в библиотечно-библиографическую науку. По ходу развития акцент был сделан на понятии социальной коммуникации, под которой предлагалось понимать движение смыслов в социальном времени и пространстве [10, с. 22], либо как способ (форма, канал) обмена смыслами в обществе, представляющих собой общественное и личностное знание [2, с. 331]. На основе этой интерпретации были предложены теория и метатеория социальных коммуникаций. Таким образом, акцент был сделан на синтаксическом аспекте коммуникации, который трактуется как распространение информации в форме смыслов.

Что же нового в эти представления вносят идеи Лумана? Начнем с анализа связи технологий коммуникации и социального «конструирования». Как известно, развитие социума происходит как по вертикали, так и по

горизонтали. Вертикальная дифференциация носит иерархический характер и направлена на выстраивание управления, тогда как горизонтальная дифференциация направлена на выделение и развитие отдельных сфер деятельности (производство, культура, экономика и т.д.). В связи с этим выскажем предположение, что вертикальное социальное конструирование шло по пути разработки новых «прорывных» коммуникационных технологий, обеспечивающих усиление властной вертикали. В Египте было изобретено сакрализованное иероглифическое письмо, разработана технология изготовления папируса и пергамента, сложилась практика изготовления манускриптов и т. д. Насколько известно, это достаточно трудоемкие и дорогостоящие технологии. Например, изготовление одного пергаментного манускрипта требовало нескольких десятков голов скота и многих месяцев, а может быть и лет труда переписчиков. Очевидно, что столь высокие затраты могут быть рационально объяснены только укреплением и расширением вертикали власти. Горизонтальное «коммуникационное строительство» не могло позволить себе таких высоких затрат. Были созданы такие более дешевые и простые коммуникационные технологии, как фонетическое письмо, изобретены технология использования бумаги и книгопечатание, которые в последствии вытеснили более дорогие и трудоемкие процессы. Безусловно, это достаточно схематичное и условное видение эволюции коммуникационных технологий, однако нам интересна сама тенденция, которая, по нашему мнению, просматривается.

Несмотря на свою значимость, коммуникационные технологии в контексте идей Лумана все же не более, чем средства преодоления физического пространства и времени. Непосредственное «коммуникационное строительство» состоит в образовании определенных «областей», позволяющих выборочно воспринимать и перерабатывать сложность (комплексность) мира, превышающих способности восприятия отдельного человека путем перераспределения знания и незнания. Что же это

за области? Луман относит к ним науку, политику, право и т. д. и рассматривает их достаточно широко. Возможно это так, однако нам представляется, что помимо них существуют определенные промежуточные области, выполняющие функцию предварительного отбора сообщений, их аккумуляции с целью повышения качества «строительного материала». Это своего рода «обогачительные фабрики», которые не просто повышают выход металла из руды, но и в ряде случаев делают выплавку металла вообще возможной. При этом, чем сложнее конструкция «возводимой» социальной структуры, тем выше требования к отбираемым сообщениям, а соответственно, и к структурам, обеспечивающим эту процедуру. Каковы же требования к процедуре информационного «обогащения» сообщений? Во-первых, это касается информативности сообщений, что достигается их предварительной тематической селекцией и последующей тематической аккумуляцией в фондах библиотек, архивов или иных информационных учреждений. Традиционно эта процедура определяется как комплектование. Во-вторых, помещение сообщения в фонд гарантированно обеспечивает семантическую стабильность сообщения, что создает условия для его последующего комментирования. Это, как мы понимаем, также способствует повышению информативности. В итоге сообщение, как говорят культурологи, становится текстом. Именно комментарий, по мнению известного немецкого культуролога и египтолога Яна Ассмана, делает текст текстом [1, с.191]. В-третьих, это создание условий для последующего поиска и организации использования письменных сообщений (систематизация, каталогизация, библиографирование). И, наконец, в-четвертых, помещение сообщений в фонд обеспечивает необходимый уровень семантической симметрии в ходе их пространственно-временного движения. В совокупности все это обеспечивает необходимый уровень восприятия информации и ее последующее использование в конструировании социальных систем. И, как следствие, значимые управленческие, политические, экономические, религиозные и иные события

не просто воссоздаются на бумаге, а в ряде случаев они становятся возможными, если только получают письменное оформление. Именно последнее стало причиной появления феномена подлога сообщения, когда содержание события, либо вообще факт его существования оказалось возможным создать искусственно, в своих интересах при помощи пера и бумаги. В силу этого оперирование «письменными» событиями оценивается как стратегический ресурс, обеспечивающий процессы управления в самом широком смысле.

Механизмом развития описанных нами выше промежуточных коммуникационных областей выступила их институционализация, в ходе которой они приняли форму библиотечно-библиографических, архивных, нотариально-делопроизводственных и иных учреждений. Каков статус этих учреждений? Как мы уже отмечали, Луман относит информацию к содержанию коммуникационного процесса. Нам представляется это справедливым лишь для части процессов, связанных с передачей сообщений. В том случае, когда имеет место информационное «обогащение» сообщений посредством их целенаправленного отбора, селекции, фондирования, комментирования, библиографического описания и ряда других, мы имеем дело с информационными процессами. Отсюда мы полагаем, что библиотечно-библиографические и архивные институциональные структуры носят комплексный коммуникативно-информационный характер. Сообщения, продуцируемые этими социальными институтами, определяются как документы, а действующие учреждения и системы – как документальные [8]. При этом ряд из них, в первую очередь нотариально-делопроизводственные, реализуют нормативно-методическую коммуникацию, целью которой выступает разрешение тех или иных действий, а если смотреть шире, то событий и порядка их реализации, либо запрещения. Когнитивная коммуникация, реализуемая библиотечно-библиографическими учреждениями, направлена на перераспределение знания и незнания. В архивах учреждения, регистратурах и ведомственных

архивах доминирует коммуникация нормативно-методического типа, тогда как в исторических архивах – коммуникация когнитивного типа. Такой же комплексный характер присущ коммуникациям, реализуемым научно-информационными учреждениями (органами научно-технической информации). Что касается письменных сообщений, продуцируемых вне этих учреждений и систем, то они рассматриваются нами как продокументные [9].

В общей схеме эволюции социальных коммуникаций уточнялись роль и место документально-информационных институтов. Традиционно в этой схеме выделялось создание письменности и следом за ней – изобретение книгопечатания. Этой же схемы придерживается и Луман, который отмечает, что именно письменность и книгопечатание инициируют различия, конструирующие коммуникацию [4, с. 223]. Развивая эти идеи, А. Назарчук [5] отмечает, что письменность создала эффективный механизм исторической памяти и позволила расширить пространственные границы в повседневных коммуникациях, однако при этом, во-первых, сохранялась необходимость личного участия коммуницирующих людей, а во-вторых, – в намерение пишущего не входила публикация письма или книги, и, как следствие, количество публично доступных текстов было ничтожно мало. Кардинально ситуация, по мнению А. Назарчука, поменялась лишь с изобретением книгопечатания, приведшего к созданию «удаленной» коммуникации – коммуникации отсутствующих. В религиозной плоскости это привело к смене «мемориального типа чтения для воспоминания важных истин сакральных текстов экстенсивным типом, при котором в материале для чтения ищется новая информация» [5, с. 89]. Изобретение книгопечатания, по мнению Назарчука, привело к формированию новой коммуникативной среды, обеспечивающей накопление и трансляцию знаний, выработанных человечеством, открыло путь к формированию библиотек, а также дало возможность сортировать, сравнивать, классифицировать массивы знаний [5, с. 90].

Но так ли это, если включить в поле зрения документально-информационные учреждения и выполняемые ими коммуникативно-информационные функции? Действительно, как отмечал Назарчук, удешевление производства книжной продукции благодаря изобретению печатного станка, стимулировало коммуникацию и как следствие – социальное развитие. Это верно, но такое развитие было направлено, прежде всего, на горизонтальное конструирование социальных структур, что на практике проявилось в росте публичных библиотек. Однако сам феномен библиотеки как коммуникативно-информационного социального института возник гораздо раньше в системе вертикального социального конструирования и был нацелен на обеспечение развития вертикали власти. После изобретения книгопечатания библиотечно-библиографический институт оказался вовлечен в процесс горизонтального конструирования и таким образом претерпел лишь количественные, а не качественные изменения. Более того, наличие дворцовых, монастырских и университетских библиотек, располагающих фондами рукописных книг, обеспечило книгопечатанию источниковую базу и, как следствие, – ту высокую социальную значимость, которую оно получило впоследствии. Таким образом, тезис о существенном влиянии книгопечатания на библиотечное дело справедлив лишь отчасти. Это, во-первых. Во-вторых, книгопечатание оказало столь мощный социальный эффект только потому, что существовало достаточно развитое библиотечное дело.

Подводя краткие итоги анализа теоретико-методологического потенциала концепции Никласа Лумана можно сказать, что его концепция направлена на раскрытие коммуникационных и информационных аспектов организации социума. По сложившейся в западной науке традиции информационные аспекты часто трактуются как составная часть коммуникационного процесса, что, наверное, оправдано теми задачами, которые стоят перед социологами. Однако, нам представляется, что в библиотечно-библиографических дисциплинах, понятие информация и

коммуникация, а также соответствующие им теоретические построения нуждаются в относительной научной автономности. Содержательно концепция Лумана носит семантико-прагматический характер, что открывает дорогу к более тесной интеграции теорий информации и коммуникации, существенно повышая их эвристический потенциал.

Что касается библиотечно-библиографических дисциплин, то, как нам представляется, наибольший интерес представляют идеи Лумана о роли и месте коммуникаций и соответствующих технологий в развитии социума. Рассматривая коммуникацию и ее эволюцию, Луман ограничивается анализом феноменов письменности и книгопечатания. Предметный анализ и развитие этих представлений позволят расширить картину социальных коммуникативных структур, введя в нее социальные документально-информационные институты, представленные библиотечно-библиографическими, архивными и нотариально-делопроизводственными учреждениями. До сих пор библиотечно-библиографические учреждения рассматриваются преимущественно с синтаксической точки зрения, т.е. как аккумулирующие письменные сообщения и предоставляющие их пользователям. В ряде случаев о них говорят как об институтах памяти. В контексте Лумана мы можем рассматривать деятельность библиотек в семантическом и прагматическом аспектах, что заключается в повышении информационной емкости сообщений, в стабилизации содержания сообщений и тем самым в повышении к ним доверия, в усилении вариативности и, как следствие, в повышении качества последующего процесса селекции сообщений и т.д. Таким образом, благодаря идеям Лумана библиотека вместе с другими социальными документально-информационными институтами предстает в новом свете, что позволяет нам расширить схему эволюции общества, включив в нее, помимо письменности, книгопечатания и других технологий, также и документально-информационные институты как структуры, обеспечивающие автопоэзис общества на качественно новом уровне.

Осмысление этого позволяет прийти к выводу, что концепция Лумана содержит в себе значимые методологические положения, которые обогащают наши представления о библиотеке и службах библиографии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / пер. с нем. М.М. Сокольский – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 368 с.
2. Вохрышева М.Г. Теория библиографии : учеб. пособ. – Самара : Изд-во СГАКИ, 2004. – 368 с.
3. Луман Н. Что такое коммуникация? // Социологический журнал / пер. с нем. Д. В. Озирченко. – 1995. – № 3. – С. 114-125.
4. Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории / пер. с нем. И.Д. Газиева; под ред. Н. А. Головина. – СПб.: Наука, 2007. – 648 с.
5. Назарчук А.В. Влияние книгопечатания на развитие протестантизма в Европе // Новая и новейшая история. – 2006. – №4. – С. 71-90.
6. Назарчук А.В. Общество как коммуникация в трудах Никласа Лумана // Вопросы философии. – 2006. – №6. – С. 156-173.
7. Плешкевич Е.А. Дискуссия о природе информации и путях построения ее философской концепции (обзор) // Научно-техническая информация. Сер.1. – 2015. – № 4. – С. 14-18.
8. Плешкевич Е.А. Документальность как атрибутивное свойство документа // Научно-техническая информация. Сер.1. – 2013. – №9. – С.1-7.
9. Плешкевич Е.А. Протодокументные коммуникации: новая категория в коммуникационных технологиях // Научные и технические библиотеки. 2006.– №12. – С. 13–23.
10. Соколов А.В. Введение в теорию социальной коммуникации: учеб. пособие. – СПб., 1996. – 319 с.